

ПРАВО НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В СВЕТЕ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кувшинов Дмитрий Александрович

Академия управления при Президенте республики Беларусь,

аспирант

Статья посвящается анализу проблем реализации права на юридическую помощь в гражданском судопроизводстве. Автором дается определение понятия «право на юридическую помощь», определяются формы его реализации, а также необходимость совершенствования правового регулирования в контексте поставленных новой Конституцией вопросов по данной проблеме.

Право каждого на юридическую помощь для осуществления защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других представителей в суде зафиксировано в ч. 1 ст. 62 Конституции Республики Беларусь. Оно закреплено конституционной *нормой-принципом*, гарантирующим его реализацию Основным Законом и, следовательно, является конституционным субъективным правом. Право на юридическую помощь является частью конституционно-правового статуса личности. При этом данная часть конституционной нормы не изменилась в результате республиканского конституционного референдума, состоявшегося 27 февраля 2022 года.

Однако указанная выше трактовка права на юридическую помощь в настоящее время требует уточнения с учетом новых положений обновленной Конституции, в том числе правового статуса личности, а также принципа прямого (непосредственного) действия Конституции (ст. 7 Конституции).

Как справедливо отмечает П. П. Серков, сегодня «действительно, имеет место значительный, во многом навеянный политической прагматикой, публицистический перехлест с правами человека. И в науке они гипертрофированно стягиваются только к *одному элементу механизма правового регулирования*». По его мнению, «общепринятое приращение приоритета праву и затушевывание роли *обязанности* искажает саму суть правового регулирования». В этой связи не случайно ст. 21 Конституции Республики Беларусь дополнена новой частью следующего содержания: «Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства». Конституционная норма направлена на установления взаимной ответственности и взаимодействия личности и государства в связи с формированием в стране социального государства.

Отсюда усиление роли юридических обязанностей в формировании социального государства и необходимости выработки четкого понятия субъекта права как носителя субъективных прав и юридических обязанностей,

т. е. субъекта конкретных правоотношений, в том числе процессуальных правоотношений.

По мнению С. С. Алексеева, субъективное право и юридическая обязанность – это *второе звено в юридическом регулировании* (первым звеном являются юридические нормы) или, если их рассматривать вместе, в связи, правовое отношение (правоотношение). Правоотношение – это связь между субъектами, которые имеют субъективные права и юридические обязанности. Субъективное право, отмечает С. С. Алексеев, – это принадлежащая субъекту права *мера* дозволенного поведения, обеспечиваемая государством, а юридическая обязанность – предписанная субъекту мера должного, необходимого поведения [2, с. 66–68].

Автор разделяет позицию П. П. Серкова о том, что «в случаях нарушения пропорциональности, взаимности или паритетности субъективных прав и обязанностей встает вопрос о «легитимности» правоотношения» [1, с. 302].

Такой подход позволяет не согласиться с точкой зрения ряда ученых (С. С. Алексеев, А. Б. Венгеров, Н. И. Матузов, А. В. Мицкевич, В. С. Основин, В. А. Патюлин, И. Ф. Рябко и др.) о том, что реализация субъективных прав и обязанностей может происходить не только в рамках конкретизированных правовых связей (правоотношений) в их традиционном понимании), но и с неконкретизированным составом (абсолютных, общерегулятивных), под которыми понимаются *всеобщие правовые связи, имеющие по сути дела нормативное значение* (3, с. 437). Считаем, что проблема «абсолютных, общерегулятивных» правоотношений связана в первую очередь с тем, что в советский период не было прямого действия Конституции, ее нормы носили общерегулятивный характер и требовали конкретизации в отраслевом (текущем) законодательстве. Совершенно иная возникла ситуация в результате изменений и дополнений Конституции, внесенных 27 февраля 2022 г., в которых зафиксировано, что Основной Закон обладает не только верховенством, но и прямым действием (ст. 7 Конституции). И субъекты права могут непосредственно использовать ее нормы в конкретных правоотношениях [4, с. 32–33].

Кроме того, автор разделяет мнение П. П. Серкова о том, что именно правоотношения являются основной формой реализации субъективных прав и обязанностей, носят конкретизированный характер и не могут иметь «всеобщих правовых связей», подтвержденных конкретными доказательствами. По словам П. П. Серкова, в правоотношении всегда имеются конкретные субъекты, обладающие конкретными правовыми статусами и наличием у каждого из субъектов конкретных субъективных прав и конкретных субъективных обязанностей [1, с. 223].

К сожалению, право на юридическую помощь учеными-правоведами исследуется лишь в контексте субъективных прав без учета форм их реализации, а также роли основных элементов механизма гражданского процессуального регулирования, под которыми автор понимает нормы-принципы, нормы гражданского процессуального права, процессуальные юридические факты и гражданские процессуальные отношения. Автор не

разделяет позицию отдельных ученых о включении в механизм правового регулирования таких «правовых средств» как правосознание и культура [5, с. 13; 4, с. 534], поскольку они не являются правовыми регуляторами общественных отношений.

О. Н. Шупицкая рассматривает право на юридическую помощь как субъективное право и выделяет в нем наличие совокупности правомочий субъектов: это право владеть юридической информацией, право на получение юридической помощи в каждом случае, когда в этом у них возникает необходимость, право требовать ее предоставления и право обращаться в судебные органы в случае нарушения данного права должностными лицами и (или) государственными органами. Такая позиция заслуживает внимания, поскольку она направлена на использование положений ст. 62 Конституции Республики Беларусь в законодательной и в правоприменительной деятельности. Однако, не менее важно (и с этим согласна и сама О. Н. Шупицкая), право на юридическую помощь, является *одной из важнейших составляющих правового статуса личности* в Республике Беларусь и нуждается в его реальном *обеспечении*, т. е. в правосудии [6, с. 271–274]. Автор исходит из того, что понятия судопроизводства и правосудия являются тождественными [7, с. 24]. И, следовательно, вполне оправданно принципы правосудия и принципы судопроизводства закреплены в главе 2 проекта объединенного Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) [8].

При этом в п. 1 ст. 19 КГС Республики Беларусь определено, что участники гражданского судопроизводства имеют право на получение квалифицированной юридической помощи, которая предоставляется адвокатами и другими представителями в порядке, установленном настоящим Кодексом и другими актами законодательства.

Во-первых, в названной статье говорится о праве *получения юридической помощи*, а не деятельности по оказанию **содействия** клиентам в понимании, правильном использовании и соблюдении законодательства, как об этом зафиксировано в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. №334–З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее Закон от 30 декабря 2011 г. №334–З). При этом в названном Законе адвокатская деятельность определяется как юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе адвокатами. Данное понятие юридической помощи правильно было подвергнуто критике в Комментарие к Закону Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», так как оно носило не правовой, а оценочный характер [9, с. 14–15] и могло стать предпосылкой для произвольных субъективных интерпретаций и споров по поводу квалификации помощи как юридической.

Во-вторых, в ст. 19 КГС речь идет о получении квалифицированной (а не на профессиональной основе) юридической помощи. Понятие квалифицированной помощи существенно отличается от понятия на профессиональной основе, поскольку квалифицированность юридической помощи определяется предъявлением к лицу, оказывающему юридическую

помощь, специальных требований, в числе которых высшее образование, стаж работы, сдача квалифицированного экзамена, отсутствие негативных последствий и т.д. [10, с. 29–30].

Следует отметить, что в ГПК Республики Беларусь (ст. 14) указано право пользование юридической помощью) и далее говорится, что по гражданским делам граждане и юридические лица имеют право на юридическую помощь адвокатов и других представителей. Требование о предоставлении квалифицированной юридической помощи в названной статье ГПК не определено. Не указано такое требование и в ст.22 ХПК Республики Беларусь. При этом ни в ГПК, ни в ХПК четко не определен правовой статус представителя в судопроизводстве.

По сравнению с действующим гражданским процессуальным и хозяйственным процессуальным законодательством в п. 3 ст. 55 КГС определяется правовой статус представителей как участников гражданского судопроизводства.

В п. 2 ст. 19 КГС говорится, что противодействие оказанию юридической помощи в гражданском судопроизводстве запрещается, т. е. введена запретная норма.

Анализируя основные составляющие гражданского процессуального регулирования адвокатской деятельности как конституционной гарантии квалифицированной правовой помощи, автор обращает внимание, что конкретные правовые средства воздействия на субъектов права закрепляются на уровне отдельных правовых норм позитивного права (запреты, разрешения, дозволения). При этом в большей степени преобладают запреты, что существенно сдерживает реализацию права на получение юридической помощи. Применительно к адвокатской деятельности применяется и такой способ правового регулирования, как разрешение (например, лицензирование деятельности адвокатов). Тогда как статус адвоката в Российской Федерации присваивается решением квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации после сдачи квалификационного экзамена.

Отметим, что на осуществление адвокатской деятельности в Республике Беларусь необходимо получить специальное разрешение (лицензию). Порядок лицензирования адвокатской деятельности в Республике регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» (с изм. и доп.) и утвержденным Указом Положением о лицензировании отдельных видов деятельности. Как показывает практика, чрезмерное регулирование адвокатской деятельности привело к тому, что в Республике сложилась острая ситуация в отношении кадрового корпуса адвокатов. Как отмечает председатель Белорусской республиканской коллегии адвокатов А.И. Шваков, сегодня осуществляют деятельность 1800 адвокатов (ранее было 2127), из них пенсионного возраста 272 человека, что составляет 15% от общего числа [11, с. 29].

Министерством юстиции Республики Беларусь, Республиканской коллегией адвокатов принимаются меры по привлечению в адвокатуру молодежи, выпускников вузов.

Однако эти меры, по мнению автора, приведут к желаемому результату лишь при существенном улучшении законодательной деятельности в этой сфере, в частности, при принятии нового закона об адвокатуре и адвокатской деятельности, включив в него прежние формы адвокатской деятельности, а также государственные юридические бюро, что позволит решить проблему оказания квалифицированной юридической помощи ее доступности для социально незащищенных категорий граждан и граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Лицензирование адвокатской деятельности автор считает необходимым отменить в связи с развитием адвокатуры как института гражданского общества.

Таким образом, право на юридическую помощь в гражданском судопроизводстве представляет собой процессуальную деятельность адвокатов, а также иных представителей в целях обеспечения защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, а также выполнения задач, сформулированных в ст. 5 ГПК Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Серков, П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : монография: в 3-х частях / П. П. Серков. – М. : ИНФРА-М., 2022. – Ч. 1. – 512с.
2. Алексеев, С. С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : «Статут», 1999. – 712с.
3. 3. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатюк, В. А. Кучинский / под общ. ред. В. А. Кучинского. – М., 2004. – 688с.
4. Василевич, Г. А. Принцип прямого (непосредственного) действия Конституции Республики Беларусь / Г. А. Василевич // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 7. – С. 32–35.
5. Полянская, Н. Ю. Реализация принципа диспозитивности в механизме гражданского процессуального регулирования: автореф. дис....канд. юрид. наук:12.00.15 / Н. Ю. Полянская. – Саратов, 2005. – 21 с.
6. Шупицкая, О. Н. Право на юридическую помощь в Республике Беларусь: сущность, состояние и перспективы развития / О. Н. Шупицкая // Теория и практика построения правовой системы Республики Беларусь: матер. междунар. «круглого стола», 15-16 апр. 2005 г., Гродно, / Гродн. гос. ун-т; отв. ред. О. Н. Толочко. – Гродно : ГРГУ, 2005. – С. 269–274.
7. Петрухина, И. Л. Судебная власть / И.Л. Петрухина. – М. : ООО «ТК Велби», 2003. – 720 с.
8. Проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: <https://forumpravo.by/publicnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/16857-proekt-kodeksa-qrazhdanskoqosudoproizvostva-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 10.05.2022.

9. Комментарий к Закону Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» / Н. Майорова [и др.]; ред. С.А. Голубок. – Минск: Белорусский Дом печати, 2014. – 224 с.

10. Захаренков, Д. Н. Сравнительно-правовой анализ принципов организации и деятельности адвокатуры в России и странах СНГ: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.11/ Д. Н. Захаренков; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. – М., 2018. – 32 с.

11. Шваков, А. И. Проблемные вопросы кадровой политики и пути их решения / А. И. Шваков // Юстиция Беларуси. – 2022 – №8. – С.29–30.

КОМПЕНСАЦИЯ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Ленцевич Ольга Михайловна

Белорусский государственный экономический университет,
кандидат исторических наук, доцент

Закон Союза ССР «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г. № 1552–1 стал первым специальным нормативным правовым актом в СССР, в котором содержался запрет на вмешательство «... в личную жизнь граждан, посягательства на их честь и достоинство» (ст. 5), что сегодня рассматривается отправной точкой легализации компенсации морального вреда в советском государстве. Его появление было обусловлено потребностью в области совершенствования правового регулирования общественных отношений; непосредственным толчком стало признание социальной ценности личности, стремление к защите не только ее имущественных, но и личных неимущественных прав [1, с. 93]. При этом ответственность предусматривалась только в случае нанесения морального вреда физическому лицу.

Между тем уже в 1991 г. в советской научной среде обозначилась дискуссия относительно возможности подобной компенсации в отношении юридических лиц. Например, такую позицию заняла один из впоследствии официальных комментаторов Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) профессор М.Н. Малеина, сформулировав в 1991 г. идею о необходимости обязательного предоставления законом «... такого способа защиты, как компенсация морального вреда, в случае нарушения любых неимущественных прав юридического лица» [2, с. 29]. Позднее М.Н. Малеина уточнила свою позицию: понятие морального вреда юридических лиц на практике раскрывается как потеря (умаление) деловой репутации, имиджа. 31 мая 1991 г. были приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (№ 2211–1), п. 6 ст. 7 которых гласил, что «Гражданин или юридическое лицо, в отношении которых распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с